

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений в десяти томах Том шестой.
Сибирские рассказы. Рассказы, повести 1893-1897.
Золотопромышленники // "Правда", Библиотека "Огонек", М., 1958
FB2: "rvvg", 11 October 2013, version 1.0
UUID: A6044AA6-5A75-4067-B4EB-7C1022B29A4F
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Седьмая труба (Сибирские рассказы)

МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — Д. Сибиряк (известен как Д. Н. Мамин-Сибиряк) (25.X(6.XI).1852, Висимо-Шайтанский завод Верхотурского у. Пермской губ.- 2(15).XI.1912, Петербург) — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирурги-

ческой академии. В поисках заработка он с 1874 г. становится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ, В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Содержание

I.....	.0006
II.....	.0018
III.....	.0028
IV.....	.0037
V.....	.0047
ПРИМЕЧАНИЯ.....	.0051

Д.Н. Мамин-Сибиряк
Седьмая труба
Эскиз

На улице бушевала снежная метель. Ветер так и рвал, бросаясь из стороны в сторону, как сумасшедший. Сухой и рассыпчатый снег носило по улицам белым столбом. У пешеходов захватывало дух, и даже уличные фонари едва мерцали, точно самому огню делалось холодно. Зато как хорошо было теперь в старинном двухэтажном каменном доме Шелковниковых, который глядел на улицу ярко освещенными окнами. В высоких комнатах так тепло, и замерзавшая на улице голь смотрела в окна с завистью. Некоторые даже останавливались, чтобы хоть издали полюбоваться, как добрые люди живут на белом свете. Но окна нижнего этажа были завешены шелковыми драпировками, а верхние были высоко.

В угловой гостиной, богато омеблированной в стиле сороковых годов, собралась веселая компания. Молодые лица совсем уже не гармонировали с тяжелой старинной мебелью из цельного красного дерева, старомодными низенькими драпировками и чахоточ-

ной бронзой стиля empire. На десертном столе, перед диваном, на тонкой высокой ножке стояла старинная лампа, — она давала так мало света, что углы комнаты терялись в темноте.

— Бабушка, миленькая, позволь нам подурчиться, ведь теперь святки! — упрашивала девушка лет двадцати с таким красивым и типичным лицом.

— Грешно, Клавдия, — строго отвечала сидевшая на диване старуха, одетая в косоклинный старинный сарафан. — Разве я мешаю вам: играйте во имолки [1], олово топите, гадайте, а столы вертеть грешно.

— Да мы немножко, бабушка... А мысли отгадывать можно, через влияние?..

— Клавдия...

— Ничего, бабушка: грех на нас взыщется, — решил молодой человек, шептавшийся с двумя горными инженерами. — Вот мы все грехи на горное ведомство запишем или на доктора...

— Мы согласны, Марфа Захаровна... — в голос повторили молодые люди, окружая старуху. — Клавдия Семеновна интересуется по-

следним словом науки.

Дремавший в глубоком кресле лысый старик проснулся и присоединился к молодежи:

— Мамынька, в самом-то деле... нельзя же-с...

— А тебя кто спрашивает, Капитоша? — резко оборвала его старуха.

— Да мне все равно, мамынька... я так-с... ГМ...

Старик посмотрел кругом мутными глазами, откинул голову на спинку кресла и опять задремал. Это еще сильнее развеселило неугомонную молодежь: дядя Капитон боялся матери, хотя самому было уже под шестьдесят.

— Ну, господа, усаживайтесь, — командовал молодой человек. — Клавдия, садись вот к этому круглому столу... а вы, господа, составите цепь. Доктор, пожалуйста, руководите всем, и чтобы все серьезно.

— А Капитон Полиевктович не примет участия? — спрашивал доктор.

— Нет, у него руки трясутся...

— А... что? — спрашивал старик впросонках. — Мамынька, я тово...

— Бабушка, миленькая, не сердитесь... —

ласкалась к старухе Клавдия. — Это так интересно... Вот сами увидите.

— Коли Полиевкт захотел, так уж разве стоворишь, — ворчала старуха, любовно поглядывая на красавицу-внучку. — Окружили вы меня совсем... Статочное ли это дело, чтобы столы вертеть?

Кругом небольшого столика молодежь образовала живую цепь. Клавдия попала между доктором и кудрявым горным инженером. Десять молодых рук соединились на лакированной поверхности небольшого столика с точечной ножкой. Лица были напряженно-серьезны, и все старались не смотреть друг на друга. А молодое, нетронутое веселье так и подымало всех: смешно сердилась бабушка, смешно похрапывал в кресле дядя Капитоша, и недоставало пустяков, чтобы это веселое настроение прорвалось дружным смехом. Всех серьезнее оставалась Клавдия, в красоте которой чувствовалось что-то такое болезненное, особенно в больших, темных глазах, опущенных тяжелыми, бархатными ресницами. Она изредка посматривала на брата и строго складывала полные губы. Полиевкт Шелковников

являлся последней отраслью вымиравшего богатого рода, и на нем покоились все надежды Марфы Захаровны. В нем, в этом внучке, она любила все свое прошлое и все будущее фамилии Шелковниковых. Вот и теперь она не умела ему отказать и с тайной грустью смотрела на красивую черноволосую голову, наклонившуюся над столом.

— Господа... начинается... — шептал неизвестный голос.

— Тсс!..

Деревянный круглый столик действительно сделал нетерпеливое движение и легонько стукнул деревянной ножкой. Молодые люди совсем замерли в ожидании дальнейших движений. Но в самый интересный момент, когда стол начал подниматься одним боком, в дверях появилась коровница Афимья с подойником в руках и полотенцем через плечо, отнесла по-раскольничьи низкий поклон и певуче проговорила:

— Матушка, Марфа Захаровна, благословите коровушку подоить...

— Бог тебя благословит... — ответила Марфа Захаровна.

Эта маленькая сценка вызвала сдержанный смех, и стол перестал двигаться. Полиевкт вскочил и резко проговорил:

— Что это, бабушка, в самом интересном месте помешали... Ведь это же невозможно, наконец. Понадобилось какую-то глупую корову доить... Это... это черт знает, что такое!..

— Как ты сказал, миленький? — спросила тихо старуха. — С кем ты разговариваешь-то?

— Ну, бабушка, не сердись... миленькая... — уговаривала Клавдия. — Поля, а ты не груби бабушке. Не велика важность: сядем во второй раз, и только.

— А ты что за заступница выискалась? — оборвала ее старуха. — У него свой язык есть... Как он разговаривает-то с бабушкой?..

— А что?.. Я ничего, мамынька... — бормотал проснувшийся Капитоша и с удивлением посмотрел на всех своими мутными глазами.

— Делайте, как знаете... — решила Марфа Захаровна и принялась за свое вязанье.

Наступила неловкая пауза, а потом Полиевкт сказал, не обращаясь ни к кому:

— Все равно теперь ничего не выйдет со столом... Господа, лучше займитесь внуше-

нием мыслей. Доктор, вы будете делать внушения, а Клавдии давно хотелось испытать на себе это состояние гипнотизирования...

Он все это проговорил уверенным, немножко задорным тоном, чтобы отплатить бабушке за проклятую коровницу, которая всегда при гостях заявится в гостиную и только срамит. Положим, свои люди привыкли к таким допотопным порядкам, а вот как образованные люди подумают про них... Вместо стола вот тебе, бабушка, угадывание мыслей, да еще пусть Клавдия первая подвергнется испытанию.

— Вы согласны, Клавдия Семеновна? — изысканно-вежливо спрашивал доктор, поправляя пенсне. — За полный успех первого опыта я не ручаюсь, но нужно пройти целую школу таких внушений...

— Да, я согласна... — твердо выговорила девушка и сама испугалась собственной смелости: и достанется же ей от бабушки, когда гости разойдутся!

Марфа Захаровна сделала вид, что ничего не слышит, и наклонилась над вязаньем. Спорить с Полиевктом было бесполезно, и запре-

тить прямо тоже нельзя: убежит из дому, только его и видел. А Клавдия-то, тихоня-то, хороша?.. Так и отрезала, как ножом. «Будешь ты у меня сегодня на поклонах в моленной стоять!» — сердито думала старуха, довольная, что могла сорвать сердце на внучке.

— Что мы загадаем для первого раза? — спрашивал доктор, когда Клавдия вышла в залу и двери за ней были затворены.

— Пусть она подойдет к дяде, погладит его по голове и переведет на диван, — предлагал Полиевкт.

— Нет, это очень сложно для первого раза... Будет достаточно одного действия, — сказал доктор.

Решено было, что девушка подойдет к Марфе Захаровне и возьмет у нее платок из кармана.

— Полиевкт, ради ты Христа... — жалобным голосом проговорила Марфа Захаровна, бросая вязанье. — Снимешь ты с меня голову!

— Что же, бабушка, мы можем и бросить... — холодно ответит внучек, пожимая плечами. — Извините, господа, у нас все грешно... Пойдемте лучше куда-нибудь.

— Ах, делайте, как знаете... — застонала Марфа Захаровна, отмахиваясь рукой.

Когда девушка вернулась в гостиную, доктор завязал ей глаза платком, поставил среди комнаты и, положив руки на плечи, проговорил:

— Вы старайтесь, Клавдия Семеновна, решительно ни о чем не думать... А вы, господа, упорно думайте о загаданном.

Наступила мертвая тишина. Марфа Захаровна со страхом смотрела то на внучку, то на доктора и потихоньку читала Иисову молитву. Да не греховодники ли, что придумали... На беду и лестовка осталась в моленной, а то бы по счету прочитывать сорок раз молитву-то, все же легче. Полное лицо Марфы Захаровны, когда-то замечательно красивое, теперь имело такой испуганный и жалкий вид, что даже Полиевкт пожалел ее про себя. Если бы не гости, он приласкался бы к ней и даже попросил прощения; но ведь вот эти инженеры видели коровницу, как она в своем кубовом трапезном сарафане залезла в гостиную, да еще с подойником... Будут смеяться над ними, разнесут по всему городу.

— Угодники-бессребреники, помилуй нас... — шептала старуха, закрывая в ужасе глаза, когда Клавдия нерешительно сделала два шага к ней.

— Тсс!..

Сначала движения девушки были нерешительны. Она, видимо, колебалась, и тонкие пальцы рук судорожно сжимались. Но потом она пошла прямо к столу, пощупала скатерть и потянулась к бабушке. Это движение заставило Марфу Захаровну придвинуться в самый угол дивана, и она умоляюще протянула руки вперед. Еще один шаг, и девушка взяла ее за руку, стала ощупывать сарафан, но в этот момент в дверях показалась кухарка Фекла. Марфа Захаровна махнула ей рукой, чтобы убиралась, но Фекла только растворилась испуганно рот и что-то маячила руками.

— Да чего тебе?.. — сердито спросила Марфа Захаровна.

— Ох, матушка родимая... приехал... — бормотала Фекла.

— Да кто приехал-то, говори толком.

— Ох, сам приехал... Садок приехал, матушка, велел тебя посылать...

На несколько мгновений Марфа Захаровна совершенно оторопела, точно по ней выстрелили, но потом быстро поднялась, на ходу поправила шелковый платок на голове и почти бегом бросилась из гостиной. Клавдия сорвала повязку с глаз и смотрела с ужасом на брата.

— Кажется, что-то случилось? — заговорил доктор, оглядываясь. — Мы можем повторить сеанс в другое время...

— Нет, все это пустяки... — с деланным смехом ответил Полиевкт и прибавил: — Это старичок один приехал, из наших... Он у нас за святого слывет.

— А... что? — спрашивал Капитоша, просыпаясь. — Кто приехал?

— Садок приехал, дядюшка, — объяснял Полиевкт. — Не желаете ли его встречать идти?

Старик смешно вытянул губы, сморщился и только заморгал глазами.

— А... Садок... ну его... — бормотал Капитоша, снова погружаясь в свою дремоту.

Клавдия бросилась вдогонку за бабушкой и настигла ее только у самой лестницы. Ста-

руха с несвойственной ее годам живостью хотела спускаться в нижний этаж.

— Бабушка, куда вы?.. Позвольте, лучше я сбегу вниз и приведу его к вам.

Старуха посмотрела на нее непонимающими глазами и укоризненно покачала головой.

— Лестовку... в моленной... — проговорила она упавшим голосом, начиная спускаться по лестнице; с одной стороны под руку ее поддерживала Фекла, а с другой — Афимья.

На дворе у самого подъезда стояли самые обыкновенные крестьянские розвальни, запряженные лопоухой клячей. В передке розвальней, съездившись, сидел какой-то мужик. Его наполовину занесло снегом, и он от холода похлопывал рукавицами. Когда на подъезд выскочила Фекла с фонарем в руках, а за ней показалась в дверях сама Марфа Захаровна, мужик приподнялся, но не сказал ни слова.

— Батюшка, Садок Иваныч... — бормотала старуха, закрывая голову от ветра большой ковровой шалью. — Милости просим, голубчик...

— А ты пуще проси, Марфа Захаровна... Проси пуще... — ответил гость. — Да не бойся, подходи ближе...

Марфа Захаровна, как была в одном сарафане, пошла к самым саням и низко поклонилась сидевшему в них седому старику.

— Бабушка, да вы простудитесь!.. — крикнула появившаяся в дверях Клавдия. — Без шубы... в одних башмаках... Бабушка, просту-

дитесь, вернитесь!

— Ничего, не простудится... — спокойно заметил старик, вылезая из розвальней. — Ужо лошадь-то надо прибрать. Верст с тридцать тоже пробежала животина...

Он нарочно тянул, чтобы поддержать лишнюю минуту старуху на морозе, а когда Клавдия выскочила на снег сама и потащила бабушку в комнату, с улыбкой заметил:

— Ничего... Прежде босая по снежку-то бегала да не студилась... Ну, принимайте гостя...

Стряхнув снег с нагольного тулупа и еще раз хлопнув рукавицами, старик вошел в сени. По лестнице он поднялся совсем молодцом, стараясь ступать заледеневшими валенками не по ковру, а на каменные ступени. Когда Фекла сунулась поддержать его за одну руку, он грубо ее оттолкнул и назидательно проговорил:

— Разве я архирей, что сам не могу ходить!..

В верхней передней, заметив над дверями медный литой беспоповщинский крест, старик снял меховой малахай и положил начал. Когда он кончил, Марфа Захаровна тяжело

повалилась ему в ноги, приговаривая:

— Прости, батюшка, Садок Иваныч.

— Бог тебя простит, Марфа Захаровна... Да ты ниже, ниже кланяйся — вот так. Ты ведь богатая...

Он нагнулся и рукой придавил голову старухи к самому полу.

— Благослови, батюшка, Садок Иваныч...

— Бог тебя благословит, Марфа Захаровна.

Ну, вот так, до полу, миленькая.

Те же уставных три метания сделали и остальные три женщины: Клавдия, Фекла, Афимья. Когда последняя кланялась в третий раз, показались из залы гости и остановились в дверях.

— Это кто? — грубо спросил старик, показывая рукой на шептавшихся между собой молодых людей.

— Гости, Садок Иваныч... Посидели, а теперь домой пошли.

— Ну, пусть идут...

Старик посторонился к стенке и внимательно смотрел, как бритоусы и табашники прощались с хозяевами.

— Пойдем ко мне, гостенек дорогой, —

приглашала Марфа Захаровна, когда гости, торопливо накинув шубы, начали спускаться по лестнице.

— Приглашаешь, так и то надо идти... — согласился старик, с трудом ступая по наложенному полу.

Марфа Захаровна понуро шла за ним, огорченная Полиевктом, который не только не сделал метания перед Садоком Иванычем, а еще убежал из дому вместе с гостями — для того и не остался, чтобы не покориться. За ней, как тень, неслышными шагами шла Клавдия. Девушка испытывала теперь тяжелое и неприятное чувство, какое нагонял на нее с детства старый начетчик Садок. Он всегда был стар, всегда приезжал невзначай, и всегда она боялась его до слез. Старик сам прошел на половину Марфы Захаровны, где начинались такие низенькие комнаты, с крашеными стенами и потолками, и где всегда так жарко было натоплено. В небольшой гостиной он снял с себя верхний тулуп, потом полушубок и остался в одном полукафтани из простого крестьянского сукна и валенках. Теперь уже он совсем был не страшен: низень-

кий, сторбленный, худенький старческой худобой, с редкой седой бородой и легкой лысиной на голове. Живыми оставались одни глаза — большие, строгие, темные глаза, глядевшие насквозь. Окружавшие их лучи глубоких морщин придавали лицу выражение угодника с иконы старинного письма.

— Мимо ехал... завернул проведать тебя, миленькая, — с ласковой строгостью заговорил он, не глядя на старуху. — Чай, небось, пила с гостями?

— Нет, так сидели, Садок Иваныч... Праздничное дело, у самих в дому молодые люди...

— В праздник молиться надо, миленькая... молиться надо...

— Закусить с дорожки не прикажешь ли, Садок Иваныч?..

— Прикажу, миленькая... Вот девушка и принесет страннику угощенье: ломоть ржаного хлебца, сольцы да луковку.

Когда Клавдия торопливо вышла из комнаты, старик строго спросил:

— Отчего замуж не выдаешь?.. Нехорошо... А с гостями-то внучек убежал?.. Видел...

— Ох, Садок Иваныч, не прогневайся ты на

нас, родимый мой!.. — жалобно запричитала Марфа Захаровна. — Молод еще... не вступил в настоящий разум.

— От гордости, миленькая... от гордости... Постыдился старику поклониться при табашниках.

Голос у старика был необыкновенно свеж и гибок, с быстрыми переходами от ласковых нот к грубым. Когда Клавдия вернулась с тарелкой, на которой лежал ломоть ржаного хлеба, луковка и стояла солонка, Садок Иваныч погладил ее по головке и отпустил.

— Ступай к себе, миленькая... Нечего тебе наши стариковские разговоры слушать.

Старик помолился перед образом, сначала посмотрел на него из-под руки, не мазаный ли, а потом принялся за скромную трапезу. Он переломил хлеб пополам, круто его посолил и, подставив одну пригоршню, чтобы не уронить крошек, начал закусывать. Луковка только захрустела на зубах: у Садока Иваныча в восемьдесят лет все зубы были целы. Марфа Захаровна стояла перед ним, подперши одной рукой голову, и смотрела.

— Ну, вот спасибо на угощении, милень-

кая... — проговорил старик, собирая языком упавшие в пригоршню крохи.

— Да уж какое угощенье-то, Садок Иваныч... Не обессудь, голубчик.

— Ладно нам, а по грехам нашим так и за нас перешло... Плоть недугует, миленькая, а и того бы не надо. Прямо сказано: каменение преворю в хлебы... Маловерны мы и скудны сущи умом... Ну, как ты поживаешь, Марфа Захаровна? Тепло у тебя, светло, а у других-то, может, и темно и холодно... Получше нас с тобой, а в холоде и темноте сидят. Богатая ты, с тебя и взыску больше: овому убо талан, овому убо два...

— Ох, не говори, Садок Иваныч: пропала моя головушка.

Старик прошелся по комнате, разминая ноги, круто повернулся и строго спросил:

— А ну-ка, скажи, богатая, что с гостями делала?.. Все говори, как перед богом... Скроешь — тебе же хуже.

Марфа Захаровна вместо ответа повалилась начетчику опять в ноги. О, он все знал! С причитанием и слезами она подробно рассказала весь вечер, как забавлялась молодежь и

как она, многогрешная, уступила, вместо того, чтобы поначалить за бесоугодные затеи. Начетчик слушал эту исповедь с опущенными глазами и в такт печально кивал головой. Иногда он быстро вскидывал на каявшуюся грешницу глазами и бормотал: «Так... так». Когда речь дошла до стола, он ее прервал:

— Знаю... довольно. Он его всегда поднимает и когтем еще поцарапает. Все знаю. Табашники теперь везде через стол бесов вызывают, а он им когтем: цап!.. Вот до чего дошло... Не бойсь, подавай ему стол. Тоже знает, где вылезти. А ты знаешь, миленькая, что такое есть стол? Ох, великий и непоправимый грех: хлеб на столе едят, миленькая, и с молитвой едят... Помрешь, миленькая, куда тебя положат-то? Вот он тебя тогда со стола-то когтем и зацепит... Верно тебе говорю: везде теперь маловернии бесоиманием занялись, и везде он оказывает свой звериный образ... Ну, дальше говори.

— Да нечего говорить-то, Садок Иваныч!

— Говори все!.. — закричал на нее старик и затопал ногами.

Нечего делать, пришлось рассказывать о

внушении мыслей через влияние, причем сама Марфа Захаровна сбивалась на каждом шагу и не умела объяснить всего по порядку.

— Девушка с завязанными глазами и подошла к тебе? — спрашивал старик, стараясь понять эту бессвязную речь.

— К самой, и рукой этак ищет... ищет рукой-то, а я со страху даже отодвинулась... Вне себя она как будто сделалась, Клавдия-то...

— А ты сидишь и глядишь, как он ее к тебе ведет? На вот, мол, получай преданное в мои бесовские лапы чадо... Сам-то побоялся ухватить невинную отроковицу, а привел к тебе же и лапу свою мерзкую сует... Как бы я вовремя не подъехал, так он сцапал бы тебя и задавил. Были случаи. От человека один смрад останется...

— Бог тебя принес, Садок Иваныч... Конечно, где же нам устоять, грешные люди... темные...

— Нет, он больше к богатству льнет, бес-то: и слаще есть, и мягче спать, и праздных мыслей больше... Тут когтем цапнет, в другом месте и всю лапу высунет, а богатым-то забава. О, грехи, грехи...

Старик уже раскрыл рот, чтобы обличить нечестивых, но вдруг смолк и тихо проговорил:

— А я к тебе, миленькая, по делу приехал... Надо потолковать с тобой. Чужало мое сердце, что и у вас неладно... Сперва помолиться надо, а потом потолкуем. Великие знамения явились, Марфа Захаровна... Настали последние времена, и земля затворися: родился льстец всескверны. Сын погибельный мечта-тельную плоть воспринял, и сия убо лестные его козновения в прочих изъявлена быша... Горе, горе душам нашим!

Марфа Захаровна повела гостя в моленную. Нужно было пройти целый ряд низеньких комнат, отворить потайную дверь в стене и спуститься по темной лесенке в нижний этаж. Низкая и узкая комната была без окон. В глубине всю стену занимала божница, или иконостас. Иконы были завешаны шелковой зеленой пеленой с нашитым на ней восьмиконечным раскольничьим крестом. В отдельном киоте стояла икона Казанской божией матери в дорогом золотом окладе, усыпанном драгоценными камнями, — она никогда не закрывалась, и перед ней всегда горела неугасимая лампада. Эта икона была родовой и перенесена была в моленную Шелковниковых из разоренного на Имосе знаменитого Кесаревского скита. Около стен шли; деревянные скамейки. На них лежали разноцветные «подрушники». В стене у божницы, где стоял раздвижной монашеский аналой, прикреплены были две деревянные укладки — одна с божественными книгами, а другая со свечами, ладаном и кацеями.

Отдернув пелену с иконостаса, Марфа Захаровна зажгла перед иконами свечи и лампы. Из потемневших окладов обронного и басменного дела глянули суровые лики строгановского письма, медные литые складни, образки, кресты и целые иконы. Беспоповцы предпочитают медные иконы, но у Шелковниковых допускалось и старое письмо [2] на досках, — оно по наследству досталось из разных скитов, разоренных в гонительные николаевские времена. Зорко оглядев знакомую шелковниковскую святыню и найдя все в порядке, Садок положил установленный начал и сейчас же поставил Марфу Захаровну на поклоны.

— Двести поклонов, миленькая, положишь за свои прегрешения... Нужно было бы тысячу, да вижу твою немощную плоть и остальные сам доложу за тебя.

Трудно было Марфе Захаровне отбивать эти поклоны, но Садок стоял рядом с ней и отсчитывал их по лестовке. Старуха обливалась потом, задыхалась, но начетчик был неумолим. Когда епитимия была кончена, Садок принялся читать нараспев канон Казанской

богородице. Он читал в нос, растягивая слова. В некоторых местах голос его прерывался и слышались слезы. Марфа Захаровна молилась с горькими слезами, ожидая какой-то неминуемой беды. При мерцающем свете зажженных лампадок и восковых свечей седой старик казался ей пришельцем не из здешнего мира. А он все читал, и слезы текли по его седой бороде...

Кончив моление, Садок в изнеможении сел на скамейку и несколько минут сидел с закрытыми глазами. У Марфы Захаровны отнимались ноги от усталости, но она не смогла сесть и ждала, когда он заговорит.

— Знаешь, что сказано у Игнатия Богоносца: «Всяк глаголяй, кроме повеленных, аще и достоверен будет, аще и постит и девствует, аще и знамения творит, аще и пророчествует, волк тебе да мнится во овечей коже, овцам пагубу содевающ»... А в Кирилловой книге сказано: «Да не бываем к тому младенцы умом влающиеся и скитающиеся во всяком ветре учения во лжи человечестей, в коварстве козней льщения. Блюдем истинствующе в любви...» Понимаешь?.. «И власть первого

зверя всю творит и поклонятся ему... и огонь сотворит нисходити на землю пред человека... работы египетские вместятся»... И этого не понимаешь?..

— Ох, боюсь я, Садок Иваныч... тошнехонько...

— И нужно бояться: будет вне страх, внутри трепет, глад и жажда, в домех рыдание... Увянут доброты лиц и образов, и лепоты женские увядят, и желание всем человеком и похоть отбегнет... Восплачется люте всякая душа!..

Начетчик говорил прямо цитатами из раскольничьих цветников — память у него была изумительная. Но все это было только вступлением к настоящему делу, чтобы не так был резок переход от канона к обыденной речи.

— А ты присядь, миленькая, — пригласил Садок изнемогавшую старуху. — Еще бы постоять тебе, да уж лета твои немалые... Был я в Москве, а теперь объезжаю боголюбивые народы... Горе душам нашим: воструби седьмая труба. Знамения везде, а мы слепотствуем в своем малодушии... И огонь сведен с неба, а нам все мало.

— Это ты про телеграф?

— Про него... Твои же слова по проволокам беси волокут. Мало: жизнь свою начали страховать в Москве... Не надеются на милость бо-
жью, а на свою хитрость. Мало и этого: на аер поднимаются и в бездны падают... В Москве мне сказывали, как одна немка на воздушном шаре летала — ухватится зубами за веревку и летит. А другая немка в театре заберется под самый потолок да оттуда вниз головой и бросится... И живы обе. Это как, по-твоему?.. Са-ми оне собой этакую страсть принимают? Он, бес, подымает их на аер, а потом низвергнет тычмя головой. Есть тоже оне хотят, хоть и немки: льстец их гладом и донимает. То же и с ними будет... Сказывали в Москве же, как бесоугодные пляски творятся всенародно ого-
ленным женским полом, как по трактирам прелыденно распевают бесстыжие немки и жидовки, а властодержцы и богоборные пота-
ковники всякие зломерзские заводы утвер-
ждают, идеже люте гибнет и женск и мужеск пол. Так я говорю?..

— Ох, так, родимый мой...

— То-то, так... А зачем внучку замуж не вы-

даешь? А внуку зачем потачишь?..

— Голубчик, Садок Иваныч, да где же нынче женихов-то возьмешь? Рада бы радешенька с рук сбыть, и случаи такие наворачивались, да сама-то Клавдия говорит: «Бабушка, денег мои женихи ищут во мне, а не меня...» Не гнать же ее мне силом!.. Девушка воды не замутит, а не хочет себя потерять. Внучка Полиевкта люблю и знаю сама, что грешу, а как быть мне: разве за ним угоняешься?

— По трактирам, небось, внучек-то ухлестывает?..

— Не скрою: есть грех... Выговаривала я, начала и слезами плакала, а он из дому бежит. На невест и не глядит, потому любопытно ему на своей полной воле отгулять...

— Так, так... Все верно: и желание всем человеком отбегнет — прямо в писании сказано. Все боятся нынче закон принимать... Жаль мне вас, горемык богатых. Вон Капитон-то Семеныч изнищал как плотию и главою зело оскорбел... То же и с Полиевктом твоим будет: достигнет и его собачья старость. О, горе, горе душам нашим!.. Ищутся не жены, а богатства и покупают себе остуду...

Иссякла радость в супружестве, и нет правильного рождения детям, ибо затворилось само небо, и затворились в себе потерявшие желание жены. Роду человеческому погибель, даже прежде, как появится из утробы матерней... Вижу, тягчишь ты, миленькая, и воздыхания утробу твою терзают: все мы сидим в челюстях мысленного льва.

— Что делать-то, Садок Иваныч?

— А то и делай: рыдай и молись... Будет, побоярила, а теперь казись.

— Да я не про себя: другие-то как?

— И другие то же самое... Работать не хотят, а каждый боярил бы. А я тебе еще последнее знамение скажу: настроили фабрик, наставили машин... пошли везде ситцы да самовары... Все придумано, одно хитрее другого, а хлеб все дорожает, и везде у машин египетские работы вместились... Это как?.. Хлеб дорожает, а его к немцам везут... Он его увозит, хлеб-то, а назад отрыгает железом да блондами. Тут запляшешь голая, когда хлеба захочешь... Тут тебе бесы по проволокам бегут, тут бесы машины ворочают, а лепота женская на поругание отдается... Вот хлеба не мо-

гут только придумать, а подают алчущим камень. Пошла по всей земле иноземная пестрота, неукротимая рознь и рассечение... Вот я и пришел сказать тебе: возгласи седьмая труба, и конец близится. Слезами оmyвайте лица ваши и утро и вечер и будьте готовы...

Марфа Захаровна тихо плакала, сидя на скамейке: Садок говорил правду... Спасения не было.

— Иди-ка ты, миленькая, спать, — ласково проговорил начетчик.

— А ты-то как?

— А я, видно, здесь останусь... Да не забудь наказать, чтобы скоту моему сенца бросили охапochку...

Сотворив метание, Марфа Захаровна вышла из моленной. Она шаталась, поднимаясь по лестнице, и несколько раз садилась отдыхать. Слезы ее несколько облегчали, но сердце надрывалось за других. Огорченная старуха не заметила спрятавшейся в углу у лестницы темной фигуры: это была Клавдия... Девушка подслушала весь разговор бабушки с начетчиком.

А Садок, проводив хозяйку, опять встал на

молитву и плакал слезами о суете сует по-
грязшего по грехам мира. Он вслух читал по-
каянные псалмы и каноны, истово крестился
широким раскольничьим крестом, отбивал
земные поклоны и опять плакал.

IV

Ночь не спалось Марфе Захаровне, неотвязные думы одолевали. И все Садок из головы не выходил: праведный человек... Все спят, а он один стоит на молитве. Устал с дороги и назябся, а ничего его не берет. Конечно, бог поддерживаает праведного человека. И все-то он правду говорит, все правду и всякого насквозь видит. Не бойсь, сейчас заприметил, как Полиевкт убежал от него давеча.

— Седьмая труба возгласи, — повторяла старуха, напрасно стараясь стряхнуть с себя непосильное бремя ежедневных забот и всяческой житейской суеты. — Скоро кончина мира... Садок все знает.

Страх смерти напал на нее, и зубы начали выбивать лихорадочную дробь. Господи, что на свете-то делается, да и у ней в доме тоже хорошо. Ох, грехи, — много грехов, без конца краю, и за каждый грех свой ответ.

Припомнилась ей вся ее долгая жизнь...

Родилась она на озере Имосе, где процветали знаменитые скиты — Веринский, Кесаревский, Никольский, Косовской. Семья была

бедная, и девочкой она бегала босая во всякую погоду. Хлеба даже не всегда хватало, и отец перебивался кое-как около скитов. В Кесаревский скит ее отдали учиться грамоте у стариц. Строго жили скитницы и строго наказывали учениц ремennыми лестовками. Когда отец умер, семья осталась безо всего, и маленькую девочку Марфеньку старицы взяли к себе в скит — очень уж пригожая из себя была девочка, а голос такой звонкий, что все заслушивались. Скитницы прочили из сироты сделать уставщицу, но судьба ей вышла другая.

У старцев и стариц на Имосе были старинные крепкие связи со всеми одноверцами, а с Москвой в особенности. Слава об Имосе разошлась далеко, и сюда приезжали, как в тихое убежище, на покой разные богатые старики и старушки. Они занимали отдельные келейки и жили по строгому скитскому правилу. Таковыми были старики Нижегородцевы, которых Марфенька застала уже в скитах. Про них шла молва, что старики богатые и пришли на Имос откуда-то из-под Москвы. Детей у них не было, и Нижегородцева с первого раза привя-

залась к красивой и ласковой послушнице. По праздникам они брали ее к себе и заставляли петь умильное скитское пение. Здесь в первый раз Марфенька увидела и Садока. Он бывал на Имосе наездом, по каким-то тайным делам, о которых знали одни матери-наставницы. Бывалый человек — и на Ветке жывал, и в Стародубье, и на Керженце, и в Иргизских скитах, и на Выге.

Особенно зачастил он в скиты, когда Шелковниковы бросились искать в Сибири золото. Много было тут заколочено денежек, а трудов и не сосчитать. Семья богатых сальников Шелковниковых выдвинулась на первый план, а Полиевкт Шелковников впоследствии прославился на всю Сибирь. Это был уже не молодой человек и притом вдовец. Полученное от отца наследство он закопал в Сибири и сделался бы банкротом, если бы не выручили Нижегородцевы. Свел их все тот же Садок, знавший всех вдоль и поперек. Старики были крепкие, но Полиевкт дал великую клятву, что десятую часть всего сибирского золота отдаст на скиты, а золото он уже нашел, и только недоставало денег, чтобы обставить необы-

чайное и сложное дело. Садок тянул сторону Полиевкта и уломал Нижегородцевых. Как теперь видит Марфа Захаровна все эти советы, разговоры и пересуды, которые шли по скитам целую зиму. Весной Садок скрылся — он поехал в тайгу вместе с Шелковниковым. Вернулись они только поздней осенью, по первопутку: дело было сделано, и Шелковников не только сам сделался миллионером, но озолотил всю родию. В скиты он наезжал довольно часто и привозил каждый раз дорогие гостинцы. Скитские матери и наставницы ухаживали за дорогим гостем, как за кладом, а он больше льнул к Нижегородцевым. Здесь он высмотрел красавицу-послушницу и женился на ней.

Переход от домашней нищеты и скитского послушания к богатой жизни не испортил Марфы Захаровны; она навсегда сохранила немного монашеский характер и повела самую строгую жизнь. Лет через десять Полиевкт Шелковников умер от удара, а Марфа Захаровна осталась «матерой» вдовой, с двумя сыновьями на руках. Пришлось самой вести все дела, и из бывшей скитской послушницы

выработался настоящий делец, каких немало в среде женщин-раскольниц. А дела Марфа Захаровна вела так, что все ей завидовали. Были и другие богатые золотопромышленники — Савины, Оглоблины, Мышкины, да те недолго покружились: богатство так же скоро уплыло, как и приплыло. Осталась целой одна Марфа Захаровна и твердо поддерживала фамильную промысловую честь. Ей же приходилось помогать разорившимся миллионерам и разной забедневшей родне. И себя она держала строго, и детей, и весь дом. Громадное богатство давало все средства сделаться влиятельным членом раскольничьей общины, и без благословения Марфы Захаровны ничего здесь не предпринималось. Она опять ушла бы в скиты, если бы не дети и не большие дела с Сибирью. Садок при ней был главным советником, хотя наезжал только временами — у него по всей России и Сибири были дела и хлопоты. В шелковниковском доме установился немного монашеский строй жизни, почти как в ските. Детей Марфа Захаровна воспитала в страхе божьем, но младший, Капитоша, не издался — вышел скорбен и

припадошен к водке. Он так и остался старым холостяком. Семен был любимцем матери и скоро стал ей подмогой. Из ее воли он не выходил до седого волоса. Женатый человек, имевший больших детей, не смел пикнуть перед матерью и на каждые пустяки должен был по-раскольничьи просить благословения. С годами из Марфы Захаровны выработался тяжелый семейный деспот, пред которым пресмыкалось все кругом. Прибавьте к этому еще скитские свычаи и обычаи и гнет всего раскольничьего обихода. Особенно тяжело доставалось в доме женщинам — дочерям Марфы Захаровны и жене Семена. Все они шли как-то так, между прочим, как домашняя скотина; Марфа Захаровна даже детей отняла у невестки. Впрочем, дочери скоро повыходили замуж — весь род Шелковниковых славился красотой, а тут еще и богатство на придачу. Оставалась на руках одна невестка, которая не смеладохнуть и прожила жизнь как-то совсем в стороне. Никто в доме не обращал на нее внимания, и только по праздникам ее наряжали, как куклу, чтобы показать гостям. Она и умерла так же незаметно, как жила.

Чем старше становилась Марфа Захаровна, тем делалась строже, и, конечно, всего больше доставалось окружающим. Утром и вечером все домочадцы и прислуга собирались в моленной. Сначала все кланялись в ноги Марфе Захаровне, а потом делала то же она. Под праздники в моленной шла бесконечная служба, и Марфа Захаровна сама «говорила кануны», зажигала свечи и кадила кацеей образа. Около нее сплотился целый замкнутый кружок, но влияние шло и дальше. Скиты на Имосе были разорены в сороковых годах грозным архиереем Мокием, и Марфа Захаровна должна была пристроить сотни людей по разным раскольничьим заповедным углам. В своем городе она, конечно, пользовалась большим почетом, и генерал Пентефрий, зоривший с архиереем Мокием скиты на Имосе, каждый праздник являлся к ней с визитом. Это был николаевский строгий генерал, попавший из кавалерийского полка в горные начальники; Пентефрием его прозвал Садок, ненавидевший властодержца за разные «знаки гражданской, телесно ощущаемой власти», — в переводе это означало острог, канда-

лы, шпицрутены и плети. Даже сам Мокий бывал в доме Марфы Захаровны, и она принимала его с политической раскольничьей вежливостью, хотя после каждого архиерейского визита и бучила в щелоче все медные иконы, а писанные образа мыла в воде с мылом. Нечего и говорить, как после такого архиерейского визита мыли, чистили и вообще чередили весь дом.

Положение старшего сына, Семена, было не из завидных. Он прожил всю жизнь каким-то дофином, да так и не дождался своего «боярства». Он умер на сорок седьмом году, как-то вдруг, от удара. Марфа Захаровна даже не оплакивала его особенно, потому что оставался Полиевкт — вылитый дедушка.

— Надо бы Капитоше помереть-то... — проговорила она на поминках.

— Не избывай постылого, приберет бог милого, — отрезал ей Садок, разозленный этой бесчувственностью. — Переначала ты Капитона-то Полиевктыча, миленькая. А своя кровь — из роду-племени не выкинешь.

Единственной грозой для Марфы Захаровны оставался Садок; только его одного она и

боялась. Домашняя челядь была рада его неожиданным появлениям, потому что он хоть на неделю утихомиривал «ндравную» старуху. В раскольничьем мире он пользовался громкой популярностью, как девственник и вообще подвижник. С Марфой Захаровной Садок обращался нарочито строго и постоянно корил богатством.

— В монастырь пора, миленькая, давно пора, — повторял он последние десять лет. — Будет, побоярила... Наги родимся, наги и в земпю пойдем, а о душе надо позаботиться. Много, поди, грехов-то набоярила?

— Ох, и не говори, Садок Иваныч!.. Сама бы давно ушла, да на кого покину сирот-то своих? Нужно вот внучку замуж выдавать, Полиевкта женить... Капитоша вон живет ни к шубе рукав.

И вдруг: седьмая труба!..

Было тут о чем подумать. Все кончено... Марфа Захаровна лежала в своей постели с закрытыми глазами и все думала, думала без конца. Она даже видела себя мертвой и в собственном доме уже чувствовала мерзость запустения: моленная заперта, неугасимая не

теплится, старые слуги все разбрелись, а наверху неистовствуют пьяные гости, слетевшиеся на даровое угощение... Вот и он, Полиевкт, погибает в объятиях продажной красоты, и дедовский дом гулко отдает бесоугодный женский смех, визги и неистовую пляску. Развеют по ветру все богатства Шелковниковых, как это было с другими.

— Господи, помилуй!.. — в ужасе шептала старуха, просыпаясь от этих грез наяву.

А что же Клавдия? Куда она денется без нее?.. Останется она непокрытой головушкой, а богатой невесте кругом соблазн. Будет потом клясть бабушку, что вовремя не пристроила. Смертный страх охватывает старуху, она хочет подняться и позвать внучку...

— Клавдия... Клавдия... — едва бормочут посиневшие губы, и Марфа Захаровна чувствует, как что-то тяжелое, как гора, начинает давить ее. — Клавдия...

Комната Клавдии была рядом, и девушка слышала, как ворочалась и охала старуха. Ей тоже не спалось... Чего-чего она ни передумала за эту ночь и несколько раз принималась плакать.

«Не пойду я замуж... — думала девушка, припоминая слова Садока. — Лучше в скиты уйти, как делают бедные девушки... Еще какой муж попадетя...»

Из трех теток ни одна не была счастлива в замужестве: старший зять — игрок, промотавший состояние жены, второй — пьяница, а третий — банкрот. Плохо приходится богатым невестам, на которых женятся из-за денег... В уме она перебрала всех знакомых молодых людей, которые за ней ухаживали, и ни один из них ей не нравился. Нет, страшно, лучше уйти в скиты... Девушка уже видела на своей голове иночество [3] и черную наметку, прикрывавшую ее девичью косу. Ею овладел религиозный экстаз, и она долго молилась, лежа с закрытыми глазами. Завтра же утром она пойдет и скажет бабушке все... Кстати, и

Садок Иваныч здесь — он ей поможет уговорить упрямую старуху.

Она забылась только к утру тяжелым и тревожным сном и проснулась чем свет. Умывшись на скорую руку и накинув поверх ночной кофточки теплую шаль, она постучала в дверь бабушкиной комнаты, но ответа не последовало. Старуха всегда спала чутко и подымалась чем свет, но бессонная ночь сломила и ее. Девушка на цыпочках вышла из комнаты через другую дверь и встретила в столовой Феклу — самовар уже был на столе и все остальное для утреннего чая.

— Спит наша баушка... — шепотом проговорила Фекла. — Умаялась-таки вчера... А Садок Иваныч цельную ночь выстоял на молитве.

Пробило восемь часов. Где-то зазвонили к ранней обедне, а бабушка все не просыпалась. Фекла несколько раз подкрадывалась к дверям бабушкиной комнаты и прикладывала ухо к замочной скважине: «Нет, спит наша воевода. Достиг, видно, ее Садок Иваныч...»

Пробило девять часов. В столовую вышел Полиевкт с заспанным и измятым лицом.

Клавдия старалась не смотреть на него: ей вдруг сделалось гадко — она знала, где он пропадал ночь и откуда вернулся к утру. И встал пораньше, чтобы обманывать бабушку.

— Миленькие... не ладно что-то... — шептала Фекла. — Уж не попритчилось ли нашей матушке чего?..

Эти глупости рассердили Полиевкта, и он сам пошел к бабушке. Постучал в дверь сначала тихо, потом громче — ответа не было. Но дверь была не заперта, и он послал сестру. Марфа Захаровна лежала мертвая, с посиневшим и обезображенным конвульсиями лицом... Клавдия, как птица, полетела в моленную и с плачем объявила Садоку Иванычу, что бабушка умерла.

— Я знаю, — спокойно ответил старик. — Зачем и приехал... Все знаю...

Он, не торопясь, закончил канун, положил уставные поклоны и, так же не торопясь, поднялся наверх. Войдя в комнату Марфы Захаровны, он положил перед образами начал, потом поклонился в землю покойнице, благословил ее и тихо проговорил:

— Земля и в землю отыдеши...

Клавдия стояла в углу и глухо рыдала.

1888

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые опубликован в газете «Русские ведомости» 1888, No№ 315 и 317, 15 и 17 ноября. Включен автором в состав «Сибирских рассказов» в 1905 г. Печатается по тексту: «Сибирские рассказы», т. IV, М., 1905. Рукопись хранится в Свердловском областном архиве.

Выражение «седьмая труба» восходит к христианской легенде, согласно которой, после того как вострубит седьмой ангел, наступит «конец света». Сказания о «светопреставлении» были особенно широко распространены в старообрядческой среде.

Стр. 160. Кацея (церк.) — кропильная чаша.

Стр. 161. Раскольничьи цветники — сборники духовных стихов и нравственных поучений.

Стр. 162. Лер (лат).- воздух.

Стр. 163. Блонды — шелковые кружева.

Примечания

Имолки — жмурки, от слова имать, то есть ловить. (Прим. Д. Н. Мамина-Сибиряка.)

[^^^]

Раскольники признают только писанные образа, то есть краски на воску, на воде или яичном белке, а все остальные иконы, писанные масляными красками, называют «мазаными» и им не молятся. (Прим. Д. Н. Мамина-Сибиряка.)

[^^^]

Иночество — черная монашеская шапочка.
(Прим. Д. Н. Мамина-Сибиряка.)

[^^^]